

Штейман Нахман

10 октября в 1941 г. началась война. Моего отца забрали на фронт. Мы с мамой, сестрой и бабушкой остались на оккупированной территории. Были потом в еврейском гетто, в котором находились до освобождения.

В гетто назначили старосту из евреев, он собирал дань для немцев. Наступили ограничения для евреев — не пускали в больницу, на базар, вечером выходить из дома. Когда нас полностью ограбили — начали убивать. На всех электрических столбах висели повешенные евреи. Когда уже не стало, что немцам давать, они брали красивую молодую еврейскую девушку, привязывали её длинные волосы к мотоциклу и волокли по улицам. Лилась кровь, она страшно кричала, пока не погибала.

Весной, когда капало с крыш, мама сказала старшей сестре пробить канавку, чтоб вода с крыши текла не в дом, а в огород, и она меня нечаянно ударила топором по голове. Получилась глубокая рана и начала нарывать. Мама пошла к врачу немцу и за каждый визит давала ему колечки, сережки, а мне становилось все хуже и хуже. Мама переделалась, сняла повязку, которую носили евреи в гетто, пошла в больницу. Украинцы начали кричать: «Пошла вон, жидовка!» Но врач-украинец Юрко был дружен с моим отцом. Завел нас в кабинет и сказал, что за один раз не поможет, надо лечить еще. Следующий раз мы пришли к нему домой, его жена хотела нас выгнать, но Юрко крикнул на нее и помог мне вылечиться. Я ему благодарен на всю жизнь.

Отец мой погиб на фронте в 1944г. Мы получили похоронку. В 1945 году я поступил в 1 класс Бершадской неполной средней школы №2.

В 1954г. мы выехали на Кавказ, где я всю жизнь проработал парикмахером. По семейным обстоятельствам в 1991 г. я эмигрировал со своей семьёй в Израиль.

